Влюблен в сцену по собственному желанию

14 июня исполнилось 70 лет народному артисту России Виктору Борцову. Многочисленные киноработы принесли ему горячую зрительскую любовь – конечно, невозможно забыть его Савву Игнатьича из "Покровских ворот". Почти полвека отдал Виктор Андреевич Малому театру – и сегодня он играет трогательного и беззащитного Вафлю в "Дяде Ване", самодура Тита Титыча в "День на день не приходится", великодушного Пинту в "Старом добром ансамбле", обманутого плута Большова в "Своих людях", простодушного Лыняева в "Волках и овцах".

О нем надо писать большие тома. Познакомились мы в 1953 году на вступительных экзаменах в Щепкинском училище. Виктор сразу произвел на меня впечатление, потому что он – прирожденный артист. А потом мы вместе учились четыре года, жили в общежитии – семь человек в одной комнате.

И по сегодняшний день мы не поругались, не предали друг друга. Артист он прекрасный, каких не только в Малом театре, но вообще мало. Борцов самобытен во всем: его логика, жизнь и психология необычны, честны и бескорыстны. У Виктора театр всегда стоял на первом месте. Это началось еще со студенческой скамьи. Нет такого спектакля, который бы он не посмотрел за время учебы. Уже работая в Малом, он ездил на все премьеры Товстоногова в тогдашний Ленинград. Он все знает о театре, это удивительно!

Когда шла сессия и на следующий день предстоял экзамен по истории КПСС, мы вечером и ночью готовили шпаргалки. Борцову тоже полагалось что-то написать, но его не было ни в 10, ни в 11, ни в 12 часов ночи. Он мог прийти в час, когда мы, бездыханные, уже лежали по кроватям. Открывалась дверь, и в проеме, в луче света, появлялся Борцов. Очень долго вздыхал, кряхтел, искал, на кого бы направить свои эмоции, – ему нужно было выговориться! Моя кровать стояла у окна. Он подходил ко мне, смотрел, потом присаживался, чтобы понять, сплю я или нет, но в конечном счете всегда заговаривал. К примеру: "Был во МХАТе... Видел Ливанова". Борис Ливанов был его любимцем. Честно говоря, я ему завидую, потому что он столько видел. Борцов был свободен как птица, он свободен и сейчас. Конечно, у него есть обязанности, есть дом. И все равно внутренне, я вижу, он свободный человек.

Я не могу об этом не сказать, это я рассказываю своим студентам буквально на первых занятиях. Игорь Владимирович Ильинский поставил у

В. Борцову – 70

нас "Ревизора", я играл Хлестакова. У Борцова была небольшая роль, эпизод, – он играл слугу в трактире. Всего одна сцена. Это ж надо было – на эту сцену придумать такое! Борцов снимал тогда комнату, у нас не было еще квартир. Так вот, его хозяйка пекла ему блины, и он выходил на сцену с тарелкой, словно бы его оторвали от стола, и на ходу, разговаривая с голодным Хлестаковым, поедал блины. Это Виктор придумал для себя, но это было удобно и мне как исполнителю Хлестакова, потому что, по мере того как он ел, у меня глаза лезли на лоб и, естественно, было полное возмущение, у меня уже слюни текли, потому что я видел сочные, смачные блины, запах замечательный. Зрительный зал умирал от хохота. И это не штучка – это характер, работа с образом.

Когда бы ты с ним ни встретился, в радости или в горе, естественно, какое-то время уделялось тому или иному моменту, а потом все равно разговор переходил на творчество, и это огромнейшая заслуга Виктора. Мало научить артиста быть артистом, его еще надо научить быть человеком в искусстве.

Я очень рад, что он популярен, много снимается в кино. Борцов – тот артист, у которого можно учиться и мастерству актера, и отношению к театру, к своей профессии, к партнеру. Неудобно объясняться в любви, а то сейчас не подумали бы чего, но, пользуясь возможностью, я говорю, что я его люблю. Люблю как человека, зная его пятьдесят лет. Я никогда не говорил ему таких слов почему-то, случая не было. Вот сейчас есть случай, и пусть это прозвучит во всеуслышание: да, мне нравится артист Борцов! Я ему желаю того же, чего пожелал бы и себе, – душевного спокойствия и огромного-огромного счастья.

Юрий СОЛОМИН

Культура – 2004 – 17–23 июня – с. 9